

— Ваше Величество, — вышел вперёд один из них, — сегодня на утреннем собрании Ваше решение по делу о мятеже регента кажется мне неправильным.

— О? Что именно неправильно?

— Ваше распоряжение казнить всех членов семьи регента, более 200 человек, включая родственников и слуг, независимо от возраста и пола.

Он говорил всё более возбуждённо:

— Ваше Величество, такие меры слишком жестоки, это может привести к тому, что народ будет считать Вас тираном, что вызовет недовольство и печаль!

— И что с того? — Улыбнулся Ли Цзи. — Пусть говорят, что хотят, какое мне до этого дело?

— Империя принадлежит Вашему Величеству, но она также принадлежит народу. Ваше Величество, не будьте так своевольны!

— Я казню тех, кто заслужил смерти, и это своеволие? А если я скажу тебе, что также планирую разобраться с чиновниками, которые имели связи с регентом, что ты скажешь на это?

Другой человек тут же добавил:

— Как Ваше Величество планирует с ними разобраться?

— Независимо от их ранга, всех сослать за пределы империи, а членов их семей обратить в рабство. Как вам это?

Они переглянулись, удивление читалось в их глазах.

— Ваше Величество! Это не шутка, пожалуйста, отмените это решение и пересмотрите дело о мятеже регента!

— Довольно! — Ли Цзи швырнул чашку на пол и усмехнулся. — Моё решение окончательно, не тратьте слова, Сюй-гунгун, проводите их.

— Ваше Величество, Ваше Величество, этого нельзя допустить! — Человек оттолкнул руку евнуха и опустился на колени. — Ваше Величество ослеплено, но я не могу смотреть, как Вы сами себя губите!

Ли Цзи усмехнулся:

— Смешно.

— Если Ваше Величество не желает слушать советов, я готов последовать примеру предков и умереть ради увещевания!

Ли Цзи встал, смеясь от ярости:

— Хорошо. Тогда умри.

Едва он произнёс это, старый министр бросился к каменной колонне, другой человек схватил его за одежду, оторвав кусок ткани. Благодаря этому он не погиб, а лишь потерял сознание.

Ли Цзи холодно смотрел на эту сцену и произнёс:

— Уведите его. Если он очнётся и всё ещё захочет умереть, не вызывайте врачей, я позволю ему сделать это.

Шаги затихли, Ли Цзи услышал, как они уходят, и вдруг усмехнулся, обратившись к оставшемуся:

— Жэнь-сян, почему ты ещё здесь? Ты тоже пришёл увещевать меня?

Жэнь Цзячэн опустил голову, встретив его взгляд, полный презрения и холода.

Этот император был слеп, но сердце его видело ясно.

— Регент совершил мятеж, и это доказано. Я слышал, что коллеги пришли сюда, и хотел посмотреть.

— Хорошо, что в империи ещё есть такие, как ты, Жэнь-сян, — усмехнулся Ли Цзи. — Тогда убедил этих стариков заткнуться, чтобы они не лезли на рожон.

— Ваш слуга повинуется.

Когда последний человек ушёл, Ли Цзи откинулся в кресле и закрыл глаза. Через некоторое время он произнёс:

— Сюй-гунгун.

— Ваш слуга здесь.

— В последнее время императрица и наложницы чувствуют себя неважно, вызови для них врача, чтобы понять, что за болезнь и есть ли опасность для жизни.

Осенью 556 года правления под девизом «Цинли» императрица и три наложницы скончались от тяжёлой болезни. Император, чтобы устранить источник заразы, в горе приказал сжечь их тела и развеять пепел, установив могильные памятники, а всем слугам гарема приказал охранять могилы в течение пяти лет; маленький принц, потеряв мать, вскоре скончался.

В тот же день все 260 членов семьи регента были казнены, просьбы чиновников не спасли никого, кровь окрасила столицу.

В народе ходили слухи, что молодой император жаждет власти, жесток и непредсказуем, не

доверяет министрам и не близок с народом, отвергает правильный путь и управляет империей с помощью насилия.

Во внутреннем зале Ли Цзи сидел за письменным столом, перед ним стояла чашка с вином и три пустых кувшина. Он поднимал чашку, одну за другой выпивая вино. Сюй-гунгун стоял рядом, хотел что-то сказать, но не посмел, лишь с тревогой ждал.

Вскоре раздались шаги, и евнух с облегчением произнёс:

— Ваше Величество, князь Цан Сянсюнь здесь.

— Уходи, пусть войдёт.

Сюй-гунгун поклонился и ушёл, перед уходом обменявшись с Цан Сянсюнем несколькими взглядами.

Цан Сянсюнь прошёл за резную ширму с драконами, его встретил запах вина. Он слегка нахмурился, но всё же чётко поклонился:

— Ваш слуга Цан Сянсюнь приветствует Ваше Величество.

Ли Цзи прищурился, похлопал по месту рядом:

— Хватит церемоний, я не люблю этого. Садись, пей со мной.

Цан Сянсюнь не возразил, но сразу перешёл к делу:

— Ваше Величество, когда Вы приказали казнить всех членов семьи регента, в империи уже были недовольные голоса. Сейчас политическая ситуация нестабильна, если Вы продолжите преследовать и ссылать связанных чиновников, это может быть опасно для Вас.

— Хм, — усмехнулся Ли Цзи. — Разве есть что-то опаснее, чем мятеж регента и заговоры министров? Когда они клялись в преданности, они готовы были прилипнуть к мятежнику, а теперь боятся?

Цан Сянсюнь склонил голову:

— Даже так, Ваше Величество не должны пропускать три дня собраний и игнорировать советы министров.

— Ты тоже пришёл читать мне лекции? — Ли Цзи ударил кулаком по столу. — Ты хочешь, чтобы я слушал их? Хорошо, они говорят, что ты сосредоточил в своих руках слишком много власти, что твои заслуги затмевают императора, что я должен лишить тебя титулов и власти, чтобы избежать угрозы. Так я должен слушать их или нет!

Цан Сянсюнь лишь на мгновение задумался, затем произнёс:

— Слова министров не лишены смысла. Если Ваше Величество решит так поступить, я не буду возражать.

Ли Цзи на мгновение опешил, в его сердце вспыхнула безымянная ярость.

Какие слова!

Какое отсутствие возражений!

Какая преданность князя Цан Сянсюня!

Ли Цзи всегда думал, что даже если весь мир не поймёт его поступков, Цан Сянсюнь поймёт.

Теперь он понимал, что ошибался.

Горькое чувство охватило его, Ли Цзи опустил чашку и потянулся за кувшином. Цан Сянсюнь хотел отодвинуть кувшин, но Ли Цзи остановил его руку.

Тёплое прикосновение пальцев заставило его на мгновение замереть, затем в глазах вспыхнул огонь:

— Ваше Величество, Вы видите?

Ли Цзи усмехнулся, отнял кувшин и налил себе ещё вина, подняв чашку:

— Конечно, я вижу.

Он моргнул:

— Я вижу, как мои близкие умирают один за другим; я вижу, как моя императрица и наложницы наслаждаются с другими; я вижу, как евнухи с презрением кричат «Да здравствует император»; я вижу, как новые чиновники кланяются мятежнику и повинуются ему...

Он неподвижно смотрел на Цан Сянсюня, его голос был холоден, как нефрит:

— Скажи, зачем мне оставлять таких людей в живых?

В зале воцарилась тишина, слышно было, как падает иголка.

Ли Цзи отпил вина и спокойно сказал:

— Я родился слепым, но перед смертью отец нашёл для меня лекаря, который вылечил меня. После того, как Ли Юйсюань стал регентом и убил всех моих близких, я притворился слепым,

шаг за шагом двигаясь к этому дню.

Цан Сянсюнь замер:

— Так Ваше Величество всё спланировали с самого начала.

Ли Цзи улыбнулся:

— Да, я всё просчитал, включая нашу встречу в тюрьме.

— С тех пор, как Ли Юйсюань стал регентом, и семья Цан пала, я начал свой план, — медленно сказал он. — Сюй Чэнхэ был убит мной, я нашёл подходящий повод, чтобы освободить тебя из тюрьмы, и использовал семью Цан, чтобы заставить тебя подчиниться мне. Я планировал разобраться с мятежниками позже, но Ли Юйсюань был слишком самоуверен, и мне пришлось ускорить план. Хотя это было рискованно, результат оказался хорошим.

Цан Сянсюнь нахмурился, не находя слов.

Ли Цзи провёл пальцем по краю чашки, возможно, из-за вина, он пристально смотрел на Цан Сянсюня:

— Что, ты испугался? Или пожалел?

Цан Сянсюнь молчал, затем произнёс:

— Я знаю.

Ли Цзи резко поднял голову:

— Что?

— Я говорю, я знаю.

Цан Сянсюнь опустил голову и тихо сказал:

— Мы с Вашим Величеством знакомы с детства, за исключением того, что я не догадывался о Вашей слепоте, я мог угадать Ваши мысли на семь-восемь из десяти.

Ли Цзи смотрел на него некоторое время, затем схватил его за воротник, заставив смотреть в глаза:

— Угадывал на семь-восемь? Я не жажду богатства, не стремлюсь к власти, но прилагаю все усилия, чтобы удержать трон и империю. Как ты думаешь, зачем?